

ШЕСТЬ ТЕАТРАЛЬНЫХ ВСТРЕЧ

ПРОСТО Я РАБОТАЮ «ВОЛШЕБНИКОМ»

В зале меркнет свет люстр, и сразу наступает тишина. Сноп света вонзается в искрящийся занавес, готовый вот-вот раздаться к порталам.

На сцене шесть человек озабоченно всматриваются в каждую деталь огромной предметной картины, стараясь уже в последний раз отыскать малейшую неточность в оформлении, костюмах, гриме, реквизите, освещении. Взгляд их профессионально наметил, движе-

ния быстры, точны, а реплики кратки и повелительны. «Все в порядке. Начинаю спектакль», — говорит один из них. И через мгн. как открыться занавесу, все они бесшумно исчезают за кулисами.

Я пошел за ними следом. Благо, что сейчас такое время, когда их можно застать всех вместе. Как вы догадываетесь, я нагрянул на беседу с техническими работниками театра Краснознаменного Черноморского флота, чтобы затем представить их па-

ЕФРОСИНЯ ИГНАТЬЕВНА СЕРОВА, гример

Работает гримером всю жизнь. Воспитала восьмью такими же, как она, художников. Двое из них теперь заслуженные деятели искусства РСФСР. Ею найдены и сделаны гримы для очень многих персонажей русской, советской и мировой драматургии. Она «выпустила» на сцену тринадцать Чацких, шесть Хлестаковых, двадцать одного Незнамова, семь Снежных королей.

— Насколько я понимаю, всем бы не Ваша профессия...

— Вы думаете, в сказку, что если бы не наша профессия, так не было бы и театра? Представьте себе, именно это я и хотела сказать.

Пока природа не научилась всех одинаково оделать красотой, театральные гриморы всегда будут нужны. Это, конечно, не означает, что мы должны создавать сплошь красавцев. Иногда необходимы также гримы... Вспомните хотя бы Квазимодо. Но даже создавая этот грим, испытываешь такое же удовлетворение от своей работы, как и от усердия сделать актеров Аполлонами.

Все в театре работает на то, чтобы убедить зрителя в достоверности увиденного. Лицо персонажа — первая достоверность. И — главное. Знакомство с ним порождает у зрителя интерес к дальнейшим событиям. Представляете теперь нашу магическую силу в театре!

АРМИЛЬДА ДАНИЛОВНА ДУБАСОВА, заведующая костюмным цехом

— Согласна: лицо — главная достоверность персонажа. Но не всегда первая. Зачастую по замыслу режиссера зритель подолгу не видит лицо исполнителя.

Именно костюм — первый помощник артиста в создании образа. А трансформация без него вообще неммыслима. Костюм — производящее искусство, он является именно таким, сложным в своей основе, имеющим свои художественные принципы. В театре костюм — производящее искусство еще и потому, что артист всегда мыслит себя, как определенный художественный образ.

ВИКТОР ВАСИЛЬЕВИЧ ПАЛАГУТА, старший художник по свету

— Нельзя упрекнуть в непрофессиональном ответе театрального электрика, если на вопрос «что такое электротехнический ток?» он ответит: «Электротехнический ток — это материал, из которого мы делаем псамурнов утро перед казней стрельцов, жаркий полдень Полтавской битвы, зимний вечер в покоях Ивана Грозного, утро в вешнем саду...».

Свет — это чудо. Это жизнь на сцене. Его палитра неисчерпаема, и нужно только знать, как ее применить. Свет всегда несет состояние спектакля и может быть его художественным образом...

— При условии, что на сцене он осветит конкретное оформление спектакля, — вставил

НА СНИМКЕ: А. Д. Дубасова. Фото К. Москвянко.

ВИКТОР ПЕТРОВИЧ ПАРВЕНКО, старший машинист монтажного цеха

— Образ спектакля — это его оформление. И мы, монтажники, несем ответственность за его воплощение на сцене. Одна из особенностей антарского мастерства состоит в том, что оно неповторимо. Как сыграл артист сегодня, завтра он уже не сыграет. Сущность нашей профессии в том и заключается, чтобы не допустить никаких изменений в оформлении, сохранить его рисунок.

Каждый день мы «возводим» на сцене площадки, дворцы, улицы, проспекты, интерьеры современных квартир, средневековых замков, и всегда нами руководит стремление воссоздать утверждаемый

художественным советом театра рисунок. В обязательном выполнении этого принципа кроется забота о том, чтобы артист не утратил своего творческого состояния, особого настроения. Малейшая наша неточность — и актер собьется, потеряет ритм, что заметит и зритель. Как видите, наша профессия требует особое мастерство. Тут требуются настоящие волшебники.

ЮРИЙ ПАВЛОВИЧ КОВРИГИН, художник-декоратор

— Говоря об оформлении, Вы забыли сказать, что жизнь этому оформлению дает кисть художника-исполнителя.

Моя задача заключается в том, чтобы оформление всегда поразило зрителя свежестью и новизной, чтобы оно перенесло зрителя в тот мир, который заложен в идее спектакля. Как видите, и мы, декораторы, считаем себя художниками.

ВИКТОР ИВАНОВИЧ БУТАФОРЕНКО, Бутафор

— Наверное, самый высокий ценитель искусства позаимствовал бы нашим кладовым, увидев, какие там хранятся богатства, выполненные нашими руками, — шпатель королей, шпаги мушкетеров, пистолеты всех систем и эпох, ордена всех стран и времен...

Стоит зрителю заметить в руках артиста не тот пистолет — и его уже не убедишь, что герой пая бездышным.

Правдоподобность предмета — предпосылка и творческой искренности у артиста. Восприятие зрителем бутафории, как настоящих вещей — высшая награда нам. Вы спрашиваете, кем еще должны быть бутафоры, кроме как художником. Скажу: изобретателем.

— Виктор Иванович, чем объяснить столь страстное стремление талантливого человека сделать свою работу предельно качественной?

— Прежде всего, совестью каждого, долгом. И, конечно, любовью к своему делу. Это ведь здорово, когда каждый считает себя волшебником! И еще скажу. Критические замечания зрителя способствуют нашему росту, воспитанию вкуса. И от искренности их высказываний только крепнет наше мастерство. За это зрителю большое спасибо.

Беседу вел
Б. ЗОЛИН